

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук

Власть и элиты **Power and elites**

Том 6
Выпуск 1

Санкт-Петербург
2019

РОССИЙСКАЯ ВЛАСТЬ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ

ГРАЖДАНСКИЕ ЛИДЕРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (субъективные заметки)

А.И. Соловьев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3>

***Аннотация.** Раскрывается авторское видение особенностей позиционирования новых гражданских лидеров демократической ориентации в политическом пространстве современного российского общества. Описываются условия и перспективы их дальнейшего роста в качестве профессиональных политиков. Констатируя ограничения, накладываемые правящим режимом на публичную сферу политики, автор отмечает, что в этих условиях от лидеров требуются ответы как на стратегические, так и на оперативные вызовы, зависящие при этом от понимания ими приоритетов конвенциональных или неконвенциональных методов политической деятельности. В этом контексте обосновывается, что от новых политических лидеров требуется должный уровень профессионализма, прежде всего предполагающий понимание ими соотношения между механизмами представительства гражданских интересов и ролью референтных группировок правящего класса, контролирующей значительный объем принимаемых в государстве решений и распределение основных общественных благ и ресурсов. В силу этого лидеры должны не только осуществлять нормативно обусловленные акции в публичном пространстве политики, но и стараться, используя противоречия в отечественном истеблишменте, налаживать конструктивные контакты с различными сетевыми ассоциациями правящей элиты, способными использовать протестные настроения для определенной трансформации правящего режима. В то же время автор приходит к выводу, что качественные изменения в политической системе и правящем режиме современного российского общества, несмотря на активность демократических лидеров и протестные выступления, могут состояться лишь на следующем этапе российской истории.*

Ключевые слова: политическое пространство, механизмы представительства гражданских интересов, принятие государственных решений, правящий режим, гражданские лидеры, референтные группировки правящего класса.

Современная стадия развития политического процесса дает все основания для того, чтобы глубже понять перспективы развития публичного пространства в российском обществе, возможности общественно-политической активности граждан. В этом смысле принципиальной проблемой становится вопрос позиционирования демократически ориентированных гражданских лидеров, их возможностей и способностей аккумулировать требования тех групп населения, которые хотели бы скорректировать социально-экономический курс правительства, добиться обновления институтов власти.

Как показывает опыт, сложившийся в настоящее время институциональный дизайн оказался явно недостаточным как для презентации, так и для удовлетворения интересов самых широких социальных групп. Социально-экономические последствия утвердившегося типа власти оказались удручающими с точки зрения как распространения бедности, так и закрепления катастрофических разрывов в уровне жизни различных слоев населения, распространения масштабной коррупции в аппарате управления, избирательного и политизированного применения законодательства и т.д. В последнее время общество стало все чаще сталкиваться с фактами открытого глумления над беднеющим населением чиновников, отказывающихся признавать в согражданах людей, обладающих равными с ними социально-политическими правами и возможностями.

Коротко говоря, новым гражданским лидерам приходится действовать в неблагоприятной институциональной и морально-политической среде, в решающей степени сформированной целенаправленной политико-организационной и информационно-символической деятельностью властей. После всплеска протестной активности в конце 2011 — начале 2012 г., заставшего власти врасплох¹, правящий режим предпринял ряд системных мер по сохранению политического порядка,

¹ Не случайно в то время устами пресс-секретаря Президента было даже объявлено, что В.В. Путин, бывший в то время лидером «Единой России», является независимым политиком, представляющим интересы не правящей партии, а всех россиян.

ужесточив условия проведения массовых мероприятий и крайне расплывчато обозначив границы дозволенной населению «политической» активности. Вкупе с традиционной политизированностью судебной системы и исключительной ролью силовых структур был создан весьма крепкий фундамент для самовоспроизводства правящего режима, экранящего любые попытки населения лишить его должной легитимации за счет легальных и конвенциональных действий. Опробованные в прошедшие годы методы устрашения и точечных репрессий против отдельных политических деятелей, агрессивная пропаганда и попытки дискредитировать саму идею несогласия с позициями властей сегодня активно дополняются новыми инструментами и технологиями противостояния с несистемной оппозицией. Ну а реакция властей на протестные акции летом 2019 г. в Москве не просто подтвердила непримиримость режима к несистемной оппозиции, но и показала его исключительную изобретательность относительно преследований протестующих, не останавливающихся даже перед ограничениями российской Конституции¹.

Именно в этой политической атмосфере новым гражданским лидерам и предстоит выстраивать свою политическую траекторию, искать социальную опору своим требованиям и призывам, в том числе обна-

¹ Как указывается в открытом письме российских юристов, написанном по итогам событий лета 2019 г. в Москве, ряд судов и органов исполнительной власти, оценивая эти протестные акции, принимали явно неправомерные решения. В этой связи подписанты ссылались на Конституционный суд, который в своих комментариях по аналогичного рода акциям специально указывал, «что исполнение властями правил, регулирующих порядок публичных собраний, не должно быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации защищаемой [Европейской] Конвенцией свободы мирных собраний», что «для ограничения политических выступлений или выступлений по иным важным вопросам общественной жизни необходимы веские причины», что «в правовой системе России преступлению — в отличие от иных правонарушений — должна быть присуща криминальная общественная опасность», что «проведение демонстрации без предварительного согласования необязательно оправдывает карательные меры, применяемые властями за участие в публичном мероприятии». Кроме того, «публичные власти должны проявлять определенную толерантность по отношению к мирным собраниям даже тогда, когда они могут вызвать некоторое нарушение обыденной жизни, включая помехи уличному движению, поскольку иначе свобода собраний лишилась бы своего существа» [Российские юристы 2019].

руживая точки соприкосновения позиций стремительно уменьшающегося среднего класса (заинтересованного в существенных политических изменениях) с интересами экономически бедствующей части населения (мало политизированной и во многом сохраняющей стандарты патриархальной политической культуры). Стоит на повестке дня и поиск компромисса с парламентскими партиями и их лидерами (с учетом того, что эти политические силы и особенно их первые лица являются органической частью истеблишмента и не заинтересованы в увеличении рисков, ставящих под вопрос завоеванные ими позиции).

Учитывая (нелинейный) постсоветский опыт развития, сейчас трудно сказать, будут ли на политической арене закреплены уже относительно известные в обществе (и отдельных регионах) люди или же влияние на граждан обретут новые личности, которым суждено пройти классический путь от активиста к политику. Активисты (согласимся в данном случае с Джеймсом Розенау) — это те люди, «которые не просто мобилизуют других» (побудить других действовать во имя достижения поставленных целей стремятся и политики, а также «воспитатели» и «руководители организаций»), но делают это непрофессионально, на безвозмездной основе [Rosenau 2008: 63]. В то же время обрести статус и компетенции лидера, профессионально занимающегося продвижением и защитой гражданских интересов, таким активистам весьма и весьма непросто. Новейшая политическая история страны буквально пестрит фамилиями людей, сумевших лишь на короткий срок мелькнуть на политическом горизонте, а потом окончательно сгинуть в неизвестность.

Формирование лидерских биографий прежде всего, предполагает понимание этими людьми стратегической линии своего политического восхождения. Например, в московских событиях лета 2019 г. позиция властей (откровенное игнорирование документально подтвержденных подписей граждан, слаженная работа судов и силовых структур по преследованию фигурантов «массовых беспорядков», дискредитация провластными массмедиа несогласных и устрашение потенциальных участников протестов, избирательное правосудие и пр.), по сути, создала для будущих лидеров принципиальную развилку: пытаться переиграть власть в публичном пространстве, используя установленные ею правила, или же отдать предпочтение неконвенциональным методам протеста. Понимая при этом и то, что если на муниципальном уровне режим еще допускает оппозиционных деятелей (учитывая крайне огра-

нические полномочия этих структур), то на более высоком уровне (представительных органов крупных городов, Государственной Думы, позиций губернаторов) такие попытки становятся принципиально неприемлемыми.

Однако, какой бы путь ни был ими избран, представителям гражданских интересов (или тем, кто считает себя таковым) следует сосредоточиться на ряде других принципиальных и технологических задач, от решения которых и будут зависеть их лидерские перспективы.

Прежде всего, как ни странно это прозвучит, особенно для людей уже действующих в политическом пространстве, им следует хорошо осознать особенности политического пространства, в котором им предстоит действовать, а соответственно и свои возможности. Понятно, что единственным вектором их активности является продвижение по линии формирования представительных институтов. Однако в современных российских условиях их политическая роль весьма минимизирована и даже условна. Не только в силу ограничений, накладываемых президентской формой правления, но и в целом, в силу очевидных преимуществ органов исполнительной власти, обладающих решающей ролью в управлении государством.

Более того, сердцевиной системы применения власти и управления государством выступают механизмы принятия государственных решений, от которых зависят возможности сколько-нибудь существенных перемен и где даже органам исполнительной власти не всегда принадлежит решающая (а подчас даже заметная) роль, причем как в оперативном, так и в стратегическом измерениях управленческих действий. Ведь, как показывает опыт, публичная деятельность институтов, осуществляемая на основе норм и законов, чаще всего *сопровождает* решения, принимаемые в скрытой от общества форме референтными ассоциациями (сетевыми коалициями) правящего класса. В этом смысле результаты любых информационных, организационных и даже масштабных публичных акций неизбежно упираются в те неформальные структуры правящего класса (и их коммуникации), которые производят решающие указания и приводят в действие институты государства. Таким образом, пока не будет изменено положение «руководящих» сетевых коалиций (создающих собственные «узлы решений», вынесенные за рамки официальных структур), от которых зависит реальное распределение благ и ресурсов, можно утверждать, что ничего политически опасного для властей происходить не будет.

Другими словами, новым демократическим лидерам предстоит действовать в условиях колонизации власти и государственного управления сетевыми ассоциациями правящего класса, которые по-своему организуют политическое пространство, создавая защитные механизмы именно в сфере постановки реальных государственных целей, определяющих ход общественных событий. В силу этого сформировавшаяся система власти (отражающая доминирование определенных кланов, клиентел, парантел в российском истеблишменте) способна с легкостью переносить отставки отдельных, в том числе формально значимых, фигур и даже результаты различных выборов, которые не способны поколебать их властные позиции.

С учетом сказанного становится понятно, что любой непрофессионализм людей (не осознающих соотношения сетевых коммуникаций референтных группировок элиты со стандартными процедурами представительной демократии) при всем благородстве их помыслов не поможет им добиться результата (а при определенных обстоятельствах способен даже нанести ущерб интересам стоящих за ними людей).

Требования политического профессионализма позволяют выделить два основных варианта возможных действий гражданских лидеров: или им нужно включаться в действующие политические механизмы и пытаться установить деловые контакты с сетевыми коалициями и ресурсно обеспеченными группами правящей элиты (также заинтересованными в определенных изменениях), или же попытаться сделать действующие «узлы» принятия решений по возможности дисфункциональными (например, за счет информационного освещения активности «сетевых феодалов», создания новых медиаструктур, ужесточения гражданского контроля за публичными институтами и особенно судебными органами и т.д.).

При этом следует принимать во внимание и то, что формы противодействия несистемной оппозиции со стороны властей постоянно совершенствуются. К примеру, даже последние региональные выборы показали, что наряду с традиционными инструментами административного давления (отсечением кандидатов за счет различных уловок, инсценировок, провокаций и иных приемов, которые так или иначе создают для властей проблемы и провоцируют трения с обществом) правящий режим успешно провел апробацию электронных форм голосования (которые фактически проводят не избиркомы как коллективные органы, а Департамент информационных технологий, у которого суще-

ствуют свои возможности для влияния на ход и результаты выборов)¹. Нет сомнения, что такую систему, предварительно «доработав», впоследствии распространят на всю электоральную территорию страны.

Пытаясь наладить контакты с сетевыми структурами элиты, новоявленные лидеры должны искать практические выходы на эти структуры, находить союзников в истеблишменте, использовать в своих интересах внутренние трения между сегментами правящего класса. Учитывая амбициозность любых элитарных кругов, в их внутренних отношениях всегда можно найти «трещинки», свидетельствующие о внутренних разногласиях и недовольстве положением находящихся на политической периферии маргинальных элит. Одним словом, шансы такой стратегической линии состоят во взаимной заинтересованности сторон, т.е. обнаружении той низко позиционированной группировки элиты, которая сможет использовать протестную волну в целях повышения своего статуса и тем самым способствовать изменению конфигурации властных отношений. Правда, вопрос о том, какую роль в таком случае будут играть гражданские лидеры, остается открытым.

Однако в этом варианте есть ряд существенных препятствий. Прежде всего, маргинальные элитарные группировки подвержены страху, как из-за возможных потерь своего пусть и незавидного, но все-таки относительно влиятельного положения в верхах, а также из-за контроля спецслужб, действующих в интересах доминирующей группировки. Существенно и то, что гражданским лидерам сегодня практически невозможно добиться хоть какого-то существенного влияния в силовом секторе правящего режима. Ну и, наконец, надо иметь в виду, что препятствием для налаживания контактов с элитарными сетями могут служить идейные разногласия или непримиримость морально-этических установок оппозиционных сил, их политический альтруизм, неумение искать временные компромиссы. Одновременно следует отметить и то, что активизация внутри элитарных трений, попытки «рас-

¹ Узнать же, кто и как действительно проголосовал (что, впрочем, нарушает тайну электоральных предпочтений избирателя и создает предпосылку для административного давления на него), можно только по запросу суда, который, однако, может и не согласиться с требованиями проигравшей стороны открыть результаты голосования. В любом случае надо иметь в виду, что сегодня универсальной и пользующейся доверием населения распределительной системы, где избиратель может узнать, учтен ли его голос, пока не существует.

шевелить» правящие круги могут обернуться ростом активности вполне реакционных сил, которые обладают не меньшим стремлением к усилению своего влияния на рычаги власти и управления (и которые, возможно, находятся на более короткой дистанции по отношению к центрам принятия решений).

В то же время стратегия продвижения гражданских лидеров, связанная с попытками адаптации, поиска компромисса с действующими властями, постепенное включение в нижние этажи управления, как показывает практика, не приводит к влиянию на центры принятия решений (которые подчас закрыты даже от нижестоящих сегментов правящего класса) и изменению перераспределительной политики государства. Более того, пока нет закона об оппозиции, правящий режим будет и дальше использовать все правовые инструменты для вытеснения ее несистемных сегментов на обочину политической жизни. Существенным фактором, ограничивающим возможности несистемной оппозиции, является и отсутствие ситуации, которая, хотя и свидетельствует о наличии протестных настроений в различных регионах, все же не способна в настоящее время спровоцировать массовые протесты. Так что, хотя «верхи уже не могут» осуществлять эффективное управление, массы все еще «не хотят» ввязываться в открытое соревнование с властью. И даже международное общественное мнение (реагирующее на жесткость действий по отношению к несистемной оппозиции) не сможет стать ограничителем действий властей.

Помимо определения стратегических векторов своего политического продвижения, демократическим лидерам предстоит ответить и на, условно говоря, *технологический* вызов. Прежде всего, способны ли новые гражданские лидеры сформулировать подлинно политическую программу действий, не сводимую к борьбе с коррупцией, недовольству отдельными решениями властей (например, пенсионной реформой), кадровым назначениям и аллергическим реакциям на отдельных лиц в действующем правительстве и т.д.? И будет ли разработка программы связана с созданием новых организационных структур, направленных на встраивание в существующий институциональный дизайн? Или расчет делается на пусть и систематическое использование отдельных политических скандалов или кризисных событий в качестве основного триггера изменений?

По сути, это вопросы, оттеняющие долгосрочные претензии гражданских лидеров, аффилированных с различными формами демокра-

тических протестов, которым надо выстраивать не только отношения с властью, но и с системной оппозицией, а также с гражданскими защитниками правящего режима, которые стремятся придать протестным настроениям иную политическую направленность. Причем понимание характера решения этих задач осложняется и тем фактом, что демократически настроенные лидеры нередко используют политическую площадку для саморекламы или же разогрева своего политического нарциссизма. Опыт постсоветского развития демонстрирует немало фактов, когда под давлением власти немало перспективных лидеров частично или полностью меняли политическую окраску. В любом случае демократическим гражданским лидерам еще предстоит побороться даже не за усиление своего влияния на население, а за их понятную людям политическую идентификацию. Причем с учетом того, что это борьба будет проходить и с более организованными (системной оппозицией), и с заранее более сильными в информационно-символическом пространстве и технологически оснащенными соперниками.

Существенен и вопрос о том, смогут ли различные, но в равной степени амбициозные гражданские лидеры (хотя и подпитываемые общедемократическими убеждениями о ценности идейного разнообразия в политической жизни общества) достичь того уровня консолидации, который позволил бы им играть на общегосударственной арене политически заметную роль? В 1990-е годы этого не получилось. Да и акции за допуск к выборам независимых кандидатов в августе 2019 г. в Москве показали, что на пике этих волнений не оказалось никого, кто бы мог олицетворять собой гражданский протест не то что в федеральном масштабе, но даже в столичном городе. Так что и сегодня остается вопрос о завоевании конкретными людьми позиций региональных или федеральных лидеров на основе консолидации совместных действий с другими гражданскими силами.

Третий, не менее важный аспект «технологического» вызова предполагает ответ на вопрос о том, какие политические роли могут исполнять претендующие на известность и руководство различными политическими потоками гражданские лидеры? Кто из них будет претендовать на роль «теоретиков», «организаторов» или «администраторов» протеста (Г. Лассуэлл)? Ведь практика показывает, что пересечение границы между спорадической активностью и профессиональной деятельностью скрывает множество противоречий как в процессе формирования «команды лидера» и ее связей со специалистами, так и в налаживании деловых

коммуникаций с другими фигурами, претендующими на те же позиции. Как показывает тот же опыт 1990-х, такая ситуация может вызывать серьезные конфликты внутри демократических сил. Особенно если учесть, что в этих отношениях свою роль играет и глубинная природная каузальность, способная спровоцировать эгоцентричную гражданственность, спроецированную на собственный успех, а не на принципы демократической гражданственности, предполагающей умение конкурировать и искать основания для компромиссов, а не для уничтожения союзников [Баталов 2018: 160–161]. А ведь, как известно, разобщенность «демократических» сил — наиболее показательная форма внутривнутриполитических коммуникаций протестующих. И это на фоне того, что федеральными и региональными властями ведется постоянная «персональная» работа с наиболее перспективными фигурами в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Екатеринбурге и других городах, устранившая или ограничивающая их политические перспективы.

Коротко говоря, от суммарного решения стратегических и технологических задач зависят траектории поведения новых гражданских лидеров. Однако надо признать, что в целом их политические возможности (а вместе с ними и интересы несогласных и недовольных действующей властью людей) существенно ограничены. Несмотря на многочисленные презумпции качественного переустройства и даже революционных трансформаций в современной России, представляется, что они аттестуют весьма завышенные прогнозы, основанные скорее на политическом идеализме, а не на анализе имеющихся фактов. Ведь какие бы варианты современной версии отечественного революционаризма сегодня ни просчитывались, они не в состоянии конкурировать с пассивностью основной массы населения, эгоизмом правящего класса, силовыми ресурсами власти, сервизмом отечественных интеллектуалов, вовлеченных в мощный поток официальной пропаганды.

Одним словом, трезво оценивая ситуацию, можно предположить, что сегодня в стране возможны *две основные* тенденции в развитии политического процесса, каждая из которых создает для новых гражданских лидеров свои границы и возможности.

Первая тенденция предполагает продолжение и даже постепенное ужесточение ныне проводимой властями политики (особенно в кризисных для режима точках, в частности во время ключевых региональных и федеральных выборов). Правящий режим и дальше будет стремиться интегрировать интересы власти и общества на основе при-

нудительного регулирования их коммуникаций и сокращения поля публичной политики. Рассматривая государство и правящий режим как тождественные структуры, власти и дальше будут противоборствовать оппозиционным фигурам и настроениям под флагом угрозы «государственному строю» и «национальной безопасности». Такой формат политического курса сохранит разрыв между системной (находящейся под контролем властей и не желающей менять свои позиции в действующем режиме) и несистемной оппозицией. Это будет создавать постоянные трудности для консолидации последней.

Более того, как считает ряд аналитиков, власти будут и дальше поддерживать тот уровень бедности в стране, который заставит значительную часть населения бороться за непосредственные жизненные ресурсы, а не ставить перед собой политические задачи [Медведев 2019]. На этом фоне новым лидерам не следует рассчитывать на то, что правящий режим откажется от использования административного давления, судебных преследований и применения силовых ресурсов. Более того, сохранение нынешних политических тенденций способно привести к капсулированию правящего режима, его самозакукливанию, качественному усилению закрытости властей от внешнего мира¹. В этом случае гражданским лидерам «светит» лишь продолжение их скромного позиционирования на периферии публичной политики, олицетворяющего в глазах международного общественного мнения наличие «несистемной оппозиции», но которая на деле (под угрозами административного и уголовного преследования) не способна оказывать на власть существенного влияния.

Вторая тенденция эволюции политического процесса более «перспективна» для гражданских лидеров. Речь идет о стремлении неудовлетворенных своим положением сегментов (коалиций) правящего класса изменить расклад сил и конфигурацию распределения ресурсов

¹ Так, по мнению Е. Гонтмахера, сложившаяся «система, к сожалению, очень устойчива. Тут не надо строить иллюзий. Да, есть какие-то люди, которые протестуют, но там ведь все большая часть их уходит вниз, как было после 2011–2012 годов: либо в деградацию, либо уезжают, либо мирятся с этой ситуацией. “Буйных” остается все меньше и меньше. <...> Мы идем к закупорке... ситуации в России. Россия в таком виде может просуществовать очень долго. Другое дело, что она отъезжает не на 5, а на 125 место среди стран по качеству жизни, по качеству экономики, по всему: это просто глубокая периферия» [Медведев 2019].

в интересах доминирующих кланов. В этом случае низкостатусные коалиции способны при соответствующем развитии событий в той или иной степени опереться на недовольство населения, используя при этом репутационный капитал новых демократических лидеров в региональном или общегосударственном масштабе. В этом случае для таких политических фигур появляется шанс выйти в широкое публичное политическое пространство. Однако риск такого выхода состоит в том, что им не дадут добраться до рычагов принятия решений, сохраняя их на удаленных позициях от рычагов распределения общественных ресурсов. Другими словами, этих лидеров используют для прикрытия подлинной трансформации правящего режима, при котором ключевые места займут новые группировки правящего класса. Впоследствии же, скорее всего, найдут способ вообще удалить из политического пространства таких демократических выдвиженцев.

В любом случае можно констатировать, что конфигурация российского политического пространства демонстрирует свою хоть и относительную, но пока еще вполне надежную устойчивость. Так что новым демократическим лидерам вряд ли удастся изменить систему представительства социальных интересов или добиться существенного обновления политического режима. Тем более что у них пока отсутствуют и надлежащий опыт и соответствующие информационные и организационные ресурсы для организации масштабной политической активности населения в условиях авторитарного давления. Используемые ими интернет-коммуникации и новые социальные медиа также оказываются весьма ограниченными и не способны конкурировать с национальными телемедиа. Особенно в свете линии властей на защиту «отечественного интернета», а равно и применения технологий замалчивания, дезинформации и дискредитации новых лидеров. «Влезть в ящик» у несистемной оппозиции тоже не получается. Так что о широкой пропагандистской кампании, способной сыграть мобилизующую для населения роль, можно забыть. Тем более что партии «системной оппозиции» весьма недружелюбно настроены по отношению к профессиональным оппозиционерам. Ну а разнородность социальной базы тем более не внушает оптимизма с точки зрения консолидации разных потоков протестных движений¹.

¹ Конечно, в конфликтологии известно, что в критические периоды общественного развития численность населения, способного инициировать суще-

Одним словом, с имеющимися сегодня ресурсами и компетенциями гражданским лидерам на фоне вялотекущей напряженности будет невозможно достаточно долго поддерживать протестный потенциал населения (который даже в столичных регионах подвержен неизбежным спадам и переменам политического вектора). При этом узкая политическая повестка и недостаточность программной платформы, ориентированной на местные проблемы, все еще не являются источником мобилизации населения в других регионах. Да и межтерриториальные связи новых лидеров обладают крайне низким уровнем координации. Поскольку у них нет организации, соответствующей масштабу желательных действий (а минимальные по численности штабы и волонтеры не способны компенсировать этот организационный дефицит), то и результаты их деятельности остаются весьма незначительными.

В то же время, учитывая желание лидеров «оседлать» волну недовольства, скорее всего, в ближайшем будущем речь пойдет о поиске новых технологий противоборства (таких как «умное голосование»). Однако для аккумуляции протестных настроений в течение относительно длительного времени наличие таких приемов будет явно недостаточно. По крайней мере систематические разоблачения чиновников со стороны ФБК не влекут особо тревожных для властей последствий, которые попросту не замечают этой компрометирующей информации. Да и по более серьезным поводам власть демонстрирует полное отсутствие политической воли, способной запустить механизмы парламентских расследований, прокурорских проверок и пр.

Конечно, надо понимать, что интенсивность и содержательное разнообразие тактик как со стороны несистемной оппозиции, так и властей будут различаться в зависимости от территориальных особенностей и временного контекста. Однако в целом предлагаемая властями политическая повестка, скорее всего, сохранит идеологию противостояния «пятой колонне» и, как следствие, поддержание атмосферы недоброжелательства и напряженности в стране. Правящие круги уже показали многие технологии астротурфинга: возникновение парал-

ственные перемены, снижается с традиционных пяти-семи до 1,5 %. Думается, однако, что для российских условий эти «закономерности» не работают. В этой связи уместно вспомнить, что все качественные перемены в общественной и политической жизни страны, за исключением начала XX в, были инициированы исключительно внутриэлитарными конфликтами.

лельных партийных структур (как уже было с «Единой Россией») и «ангажированных... созданных... государством фиктивных ассоциаций и организаций гражданского сектора» [Зайцев 2014: 11], поощрение провластных «комиссаров» и использование так называемых «татушек» (не имеющих статуса активистов, но добросовестно выполняющих задачи власти), активное использование сервильных интеллектуалов и селебрити, поддерживающих любые акции властей, организующих нужный набор «патриотических» подписантов (которые, впрочем, подчас превращаются в рассадников мракобесия). Да и в целом политическая риторика российской власти отличается «пропагандистскими оттенками времен холодной войны, поиска “врагов народа”, охоты на “ведьм”, борьбы с диссидентством и инакомыслием, разоблачения “агентов” и пособников Запада» [Зайцев 2014: 10].

Такая линия в целом сохранит действующий формат выборов (как переназначения проправительственных фигур), продолжит дальнейшую дискредитацию многих государственных институтов и в конечном счете углубит гражданский раскол в обществе. Однако позволит сохранить действующий режим и его основные направления деятельности на достаточно продолжительное время.

Коротко говоря, с какими бы надеждами определенная (пусть и политически продвинутая) часть гражданского населения ни относилась бы к новой генерации лидеров, сегодня они фактически не опасны для действующей власти, которая точечными методами постепенно вытесняет их наиболее опасных представителей на политическую периферию. Не забывая при этом как о поощрении проправительственных гражданских структур (которые также стремятся использовать в своих интересах протестные настроения), так и о построении доверительных отношений с общественностью (например, за счет смены непопулярных фигур).

В целом представляется, что на фоне вялотекущего политического процесса, хотя и отмечаемого взрывными эффектами недовольства в столицах и некоторых регионах, сегодня все же доминирует логика рутинизации протестов. Таким образом, в среднесрочной перспективе, видимо, можно будет наблюдать, с одной стороны, постепенную консолидацию и попытки организационного оформления протестов, интенсификацию сопутствующего информационного давления на власти, выдвижение авторитетных лиц для руководства процессом. С другой стороны, мы увидим стремление властей деконсолидировать несистемную оппозицию,

политически устранить лидеров протестов и пропагандистски дискредитировать саму идею несогласия с политической линией верхов. В этом смысле наиболее вероятной стратегией новых демократических лидеров станет корректное оппонирование системе в публичной сфере, не нарушающее главных политических запретов и табуированных сюжетов, в то время как наиболее острая критика властей переместится в пространство неформальных гражданских коммуникаций.

Конечно, это не будет касаться всех лидеров, некоторые из которых наверняка будут пытаться «расширить» свое присутствие в публичном пространстве. Но вряд ли это подвигнет режим на необходимые изменения. В целом же представляется, что ни нынешняя протестная волна, ни новые гражданские лидеры не будут в состоянии даже в среднесрочной перспективе изменить авторитарный вектор развития страны. Так что задача его трансформации будет перенесена на следующий этап российской истории.

В этом смысле задача новых гражданских лидеров состоит в подготовке социально-политической почвы для демократического переустройства политико-правовой системы, в конечном счете способной ограничить сетевые формы давления на центры принятия решений и усилить роль публичных институтов государственного управления. Но кому из них удастся настроиться на длительную политико-просветительскую работу, сохранив при этом необходимые морально-этические нормы демократических лидеров, не поддавшись на давление властей и искушение коррупционеров?

Литература

Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект пресс, 2018.

Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества: компаративный анализ. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014.

Rosenau J. People Count! Networked Individuals in Global Politics. Boulder: Paradigm Publishers, 2008.

Источники

Медведев С. Властям РФ не нужна и не выгодна борьба с бедностью, им нужны люди «на макаронках» // NEWSru.com. 13.09.2019. URL: blog.newsru.com/article/13sep2019/makaroshki (дата обращения: 13.09.2019).

Российские юристы обратились к главе КС РФ Валерию Зорькину в связи с делом Константина Котова // NEWSru.com. 17.09.2019. URL: <https://www.newsru.com/russia/17sep2019/kotovzorkin.html> (дата обращения: 18.09.2019).

CIVIC LEADERS IN THE POLITICAL SPACE OF MODERN RUSSIA. SUBJECTIVE NOTES

A. Solovyev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.3>

Abstract. *The article reveals the author's vision of the positioning of new civic leaders of democratic orientation in the political space of modern Russian society. Conditions and prospects of their further growth as professional politicians are described. Stating the restrictions imposed by the ruling regime on the public sphere of politics, the author notes that in these conditions, the leaders are required to respond to both strategic and operational challenges, depending on their understanding of the priorities of conventional or unconventional methods of political activity. In this context, it is argued that the new political leaders need a proper level of professionalism, first of all, assuming an understanding of the relationship between the mechanisms of representation of civil interests and the role of reference groups of the ruling class, controlling a significant amount of decisions taken in the state and the distribution of basic public goods and resources. Because of this, leaders should not so much carry out normative actions in the public space of politics as try, using the contradictions in the domestic establishment, to establish constructive contacts with various network associations of the ruling elite, able to use the protest moods for a certain transformation of the ruling regime. At the same time, the author comes to the conclusion that qualitative changes in the political system and the ruling regime of modern Russian society, despite the activity of democratic leaders and protests, can take place only at the next historical stage of Russian history.*

Keywords: *political space, mechanisms of representation of civil interests, state decision-making, ruling regime, civil leaders, reference groups of the ruling class.*

References

Batalov E.Ya. *Antropologiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Anthropology of International Relations]. Moscow. : Aspekt Press, 2018. (In Russian)

Rosenau J. *People Count! Networked Individuals in Global Politics*. Boulder: Paradigm Publishers, 2008.

Zaytsev A.V. *Instituzializatsiya dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: komparativnyy analiz* [Institutionalization of dialogue between the state and civil society: comparative analysis]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2014. (In Russian)